

ДЕТСКИЙ ДОМ КАК ПРОСТРАНСТВО СТАНОВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО В ЧЕЛОВЕКЕ

ORPHAN HOME AS SPACE OF THE PERSON HUMAN FORMATION

Слободчиков В.И.

Заведующий лабораторией Института психолого-педагогических проблем детства РАО,
доктор психологических наук, профессор,
член-корреспондент РАО
E-mail: irdorao@yandex.ru

Slobodchikov V.I.

Head of laboratory of the Institute of psychological-pedagogical problems of childhood
of Russian Academy of Education,
Doctor of science (Psychology), Professor,
Associate member of Russian Academy of Education

Аннотация. В контексте философско-антропологических и психолого-педагогических представлений рассматривается проблема реструктуризации детских домов.

Annotation. In a context of philosophical-anthropological and psychological-pedagogical representations the problem of re-structuring of orphan homes is considered.

Ключевые слова: психолого-педагогическая антропология, аксиология образования, детский дом, образование, воспитание.

Keywords: psychological-pedagogical anthropology, axiology of education, orphan home, education, upbringing.

Можно утверждать, что сегодня в нашей стране сложились и сосуществуют **две системы ценностей** общественного бытия человека. В кратком различии это можно представить следующим образом.

Первая система	Вторая система
<ol style="list-style-type: none"> 1. Максимально эффективное использование человеческого ресурса с целью получения максимальной прибыли. 2. Оптимизация затрат на увеличение деятельностного потенциала работника (его знаний, умений, компетенций). 3. Доминирующая <i>мотивация деятельности</i> – присвоение и расширенное потребление каких-либо ресурсов. 4. Главный герой времени – эффективный менеджер.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Максимальное наращивание духовно-нравственного потенциала становящегося человека. 2. Создание наилучших условий становления и развития личности. 3. Доминирующая <i>трудовая мотивация</i> – служение Делу, своему призванию, Другому. 4. Личностный способ бытия человека – как любовь к качеству и воля к совершенству во всех областях жизни.

По сути, при сопоставлении двух этих систем ценностных ориентаций и возникает первый проблемный вопрос: в какой же системе располагается сегодня Проект модернизации отечественного образования вообще и такой его подраздел, как реструктуризация системы детских домов – в частности? Не требуется больших аналитических способностей, чтобы увидеть, что на сей день довлеет та система ценностей, которая слева. Здесь же располагается и главное **ведомство нашего отечественного просвещения и образования по имени – Министерство финансов**. Именно оно определяет, формирует и контролирует сегодня главные ориентиры общественного развития страны.

Как психолог развития собственно человеческого в человеке обращусь к внутреннему смыслу того, что относится к другой, второй системе ценностей, **определяющей, на мой взгляд, пути и средства становления и развития действительно человеческого, а не функционально-деятельностного только потенциала в человеке**. Именно в этой системе ценностных ориентаций образования и следует обсуждать вопросы реструктуризации (если продолжать пользоваться этим лукавым термином) системы учреждений для детей-сирот и оставшихся без попечения родителей.

Чтобы выявить этот внутренний смысл, необходимо определиться в двух фундаментальных категориях, а точнее – переосмыслить их.

Первая категория – это «*образование*», которая сегодня достаточно ответственно должна пониматься и осваиваться как особая *философско-антропологическая* категория, фиксирующая фундаментальные основы жизни человека и форму становления «человеческого в человеке». Образование – это атрибут бытия человека, а не утилитарно-служебная функция социума, как нас пытаются уверить в этом «эффективные менеджеры» от образования.

В антропологически ориентированном образовании, в образовании, понятом как особая антропопрактика – как практика вочеловечивания человека, – речь должна идти не о формировании его разрозненных знаний, умений, способностей, компетенций, которые только и востребованы социально-производственными системами и которые легко утилизируются этими же системами. А когда у человека за душой ничего больше нет, кроме перечисленного набора свойств, то он также легко и главное – целиком может стать таким же предметом утилизации.

И это не случайно. Главным ориентиром сложившихся принципов и форм организации образования остается тщательная подготовка выпускника для использования его в этих самых социально-производственных системах. Сегодня речь уже идет о «профессиональной» (в кавычках, конечно) подготовке дошкольника к школе, младшего школьника – к старшей школе, старшеклассника – к профессиональной школе и т.д.

В образовании же, понятом как антропологическая практика, главным целевым ориентиром и главным образовательным результатом является способность человека к саморазвитию – во всех его духовно-душевно-телесных измерениях: как жизнеспособного индивида, как субъекта собственной жизни и деятельности, как личности во встрече с Другими, как уникальной индивидуальности перед лицом Абсолютного Бытия, перед Богом.

Одно из наиболее глубоких и перспективных определений категории «образование» было сформулировано в отечественной психолого-педагогической традиции XX столетия: **образование – это всеобщая культурно-историческая форма становления сущностных сил человека, его родовых способностей, обретения им образа человеческого, духовно-душевно-телесной целокупности в пространстве культуры и во времени истории**.

С философски-антропологической точки зрения этим все сказано. Но с конкретно педагогической и конкретно психологической точек зрения необходимо ответить на ряд специальных вопросов: как это возможно? Как становится, при каких условиях раскрывается, обретает свою полноту подлинная человечность в человеке?

Очевидно, что человек в своей человечности существо не гарантированное: ни биогенетическая программа, ни социальные форматы автоматически не производят человека во всей его полноте. Можно было бы привести множество исторических примеров, когда делались попытки либо наблюдать, как человеческое существо биологически зреет, дорастет до полноты человеческой реальности, либо социально-политическими средствами сконструировать нового человека. Не получается и не получилось – ни в первом, ни во втором случаях. Так где же все-таки таится эта таинственная субстанция – **человечность**?

Чтобы ответить на этот важнейший вопрос психолого-педагогической антропологии, необходимо пристально рассмотреть такую системообразующую категорию, как «детско-взрослая со-бытийная общность». При содержательном описании пространства становления и развития человека специального внимания заслуживает следующее существенное обстоятельство: человек при рождении попадает в уже обжитой, опознанный мир. Ребенок зарождается, рождается и живет в системе реальных, живых, хотя и разнородных связей с другими людьми (первоначально с родными, затем с близкими, впоследствии – еще и с дальними). Усиливая эту мысль, можно вообще сказать: нигде и никогда мы не увидим человека до и вне его связей с другими. Он всегда существует и развивается в со-обществе и через со-общество.

Живая общность, сплетение и взаимосвязь двух и более жизней, их внутреннее единство и внешняя противопоставленность друг другу указывают на то, что взрослый для ребенка не просто еще одно из условий его развития наряду со многими другими, а фундаментальное **онтологическое – бытийное – основание самой возможности возникновения собственно человеческого в человеке, основание его нормального развития и полноценной жизни.**

Именно это – изначальное единство – я и называю со-бытийной общностью – как нераздельность и неслиянность разных и самостоятельных форм жизни. Подобная общность по сути и есть то место, та ситуация развития, где впервые зарождаются собственно человеческие способности, позволяющие человеку стать и быть хозяином, распорядителем, а с Божией помощью и автором собственной жизни.

Чтобы обеспечить ребенку условия здоровой и духовно полноценной жизни, необходим взрослый человек. Это аксиома, не требующая сегодня доказательств. С большой степенью точности можно сказать, что “собственно человеческое в человеке” – это всегда Другой человек. Детству естественно присущи стремления к дополнению, потребность и способность обретения полноты человеческого бытия.

Старшие создают особую, располагающую, дружественную среду, в которой младшим легче раскрываться и осваивать глубины и потенции собственного внутреннего мира, обогащать ими свою жизнь и жизнь других людей. Иными словами, именно взрослые (в норме!) обеспечивают ребенку презумпцию человечности – право и возможность стоять на человеческом пути развития, по мере взросления становиться действительным автором собственного развития или, говоря словами Г. Гессе, наряду с внешней судьбой обрести судьбу внутреннюю, сущностную, не случайную.

Взросление – дело трудное и даже болезненное. Если воспрепятствовать развитию человеческих способностей, ребенок может превратиться в карикатуру на человека или чудовище. К сожалению, иногда случается и такое. Если детскую душу ранить или оставить в запустении, или воспользоваться ею (ребенка) неискушенностью и вовлечь в пагубу, ребенок заболевает. В известных с детства сказках (будто написанных на злобу дня сегодняшнего) это называется колдовством. Как тут не вспомнить Иванушку, который ослушался сестрицу и напился из козьего копытца; героя сказки Андерсена – Кая, которому в глаз попал осколок разбитого дьявольского зеркала, и сердце его оледенело; братьев, превращенных в диких птиц. Метафоричность потери человеческого облика будто списана с реалий дня сегодняшнего – с уже привычными нарицательными обобщениями: наркоманы, ущербные, “отморозки”.

На некоторых детей тень “колдовства” падает с рождением. О них мы говорим “дети с особенностями развития”.

Чтобы расколдовать ребенка, помочь ему обрести дух полноценной человеческой жизни, необходим близкий – Другой – человек. Ф.М. Достоевский в “Братьях Карамазовых” писал: ничего нет выше и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее воспоминание, вынесенное еще из детства, из родительского дома. Если набрать таких добрых воспоминаний с собой в жизнь, то и спасен человек на всю жизнь. Но и одно только хорошее воспоминание, оставшись при нас, может послужить нам во спасение. Э. Фромм усиливая эту мысль, утверждает, что родители дают жизнь, но они же могут ее забрать или сделать невыносимой; родители способны на чудеса любви – и никто не может причинить большего вреда, как они.

Соотнося эту мысль с опытом педагогической и психологической практики, не трудно убедиться, что связанность со взрослым (не только с родителем) одновременно таит для ребенка и целительные силы, и болезнетворную опасность. Какие же сугубо психологические факторы определяют влияние взрослого на душевно-духовное здоровье ребенка?

Длительный период дошкольного и школьного детства подлинным субъектом развития и образования является со-бытийная общность ребенка и значимого взрослого. Специалистам известно это крайне расплывчатое определение – “значимый взрослый”. *Значимый взрослый* – это всякий взрослый человек, оказывающий существенное влияние на развитие и образ жизни ребенка: родитель, опекун, учитель, наставник, даже – сосед. В основу классификации понятия “значимый взрослый” нужно положить две существенные характеристики, которые наиболее полно раскрывают его статус в жизненном мире конкретного ребенка. Это показатели кровного родства – “родной-чужой” и показатели духовной близости – “близкий-чуждый”.

Критерием первой характеристики можно считать принадлежность к единой родовой ветви. Для ребенка это материнская и отцовская родовые ветви. Основа и главный критерий подлинной близости двух людей – устойчивая духовная связь. Мера кровного родства ребенка и взрослого изначально задана. Поэтому отношения в детско-взрослой общности эволюционируют по линии духовной близости. Можно выделить две наиболее общие тенденции: атрибутом первой являются взаимное понимание, принятие, доверие; вторая переживается как стойкое взаимное несогласие, разобщение и отчуждение.

Приближенный еще не значит близкий. Именно духовная близость ребенка и взрослого гармонизирует индивидуализацию ребенка, обеспечивает нормальное развитие его самостоятельности; отчуждение искажает и блокирует ее. В таблице это можно обозначить следующим образом.

Таблица

Классификация значимых взрослых

Духовная связанность	Кровное Родство	
	<i>Родной</i>	<i>Чужой</i>
<i>Близкий</i>	родной и близкий	чужой, но близкий
<i>Чуждый</i>	родной, но чуждый	чужой и чуждый

Если сильно упростить интерпретацию полученной таблицы, то можно достаточно уверенно утверждать, что первый квадрант таблицы (родной и близкий) – это пример нормальной, т.е. с психолого-педагогической точки зрения вполне благополучной детной, полной семьи. Второй квадрант (чужой, но близкий) – это пример также вполне благополучной приемной семьи, или – хорошего детского дома. Третий квадрант (родной, но чуждый) – это «семьи-поставщики» социальных сирот, источник детской беспризорности. И, наконец, четвертый квадрант (чужой и чуждый) – это по сути криминальные детско-взрослые объединения.

Следует особо отметить, что в приемных, патронажных, гостевых семьях очень часто кроется опасность деструктивных взаимоотношений взрослых и детей. Нередко взрослые в таких семьях начинают бездумно имитировать поведение кровных родителей. Фальшь подобных имитаций ребенок обнаруживает практически мгновенно, и приемный родитель становится не только чужим, но и не близким, а зачастую – чуждым. А неуклюжие взрослые, оказываясь неспособными ни к любви, ни к духовно-душевной близости с приемным ребенком, делают его виновным в своей неспособности быть подлинно значимым взрослым.

Специфика духовной близости ребенка и взрослого (в отличие от витальной, эмоциональной, социальной связанности) состоит в очеловечивании (одухотворении) взрослым жизненного мира ребенка. Максима такого отношения есть любовь взрослого к человеческому в человеке, непосредственно – вот в этом – конкретном ребенке; любовь как устремление взрослого навстречу становящемуся индивидуальному духу ребенка. Такое отношение – по сути, благодатно. Эта любовь осуществляется через со-бытие в духовно-душевной практике воспитания ребенка.

Хочу специально подчеркнуть, что понятие «воспитание» удерживает, по крайней мере, два смысла: как вос-полнение человека до целого (как говорил в свое время писатель Андрей Платонов: без меня – народ не полный); ребенок без взрослого и взрослый без ребенка не полны, частичны.

И второй смысл воспитания – это на-питание. И здесь строгий духовный здравоохранительный вопрос: А отдаем ли мы себе отчет, какой пищей мы напитываем своих детей, и каким образом мы их питаем.

Суммируя вышесказанное, еще раз подчеркну – развитие собственно человеческого в человеке – это становление и манифестация индивидуального духа. Это приобщение молодого человека к его родовой человеческой сущности, способность и возможность следовать высшим образцам человеческой культуры, нравственным принципам, способность к утверждению ценностей отеческой истории и традиций, к практическому преобразованию действительности, основанных на любви к качеству жизни и воле к совершенству во всех ее областях.

Опасность состоит в том, что сегодня мы подлинный – антропологический – смысл этой встречи подменяем организационными формами. И именно эти формы пытаемся реструктурировать, не задаваясь главным вопросом – а готовы ли мы и умеем ли мы – взрослые (родители, опекуны, воспитатели) культивировать, холить и лелеять собственно человеческое в этом – конкретном ребенке. Уходя от ответа на этот вопрос, мы рискуем породить два мира – Мир Детства и Мир Взрослости, – взаимно разобщенные и отчужденные друг от друга.

Мне и моим друзьям - братьям посчастливилось, мы прожили свое детство в Клеменовском детском доме именно в такой детско-взрослой со-бытийной общности. Такая общность строилась сознательно и педагогически профессионально нашими близкими, значимыми взрослыми – великими педагогами С.А. и Г.К. Калабалиными, блестящими продолжателями педагогики А.С. Макаренко.

И поэтому есть все основания утверждать, что детский дом, если это действительно Дом, а не учреждение или заведение только для интернирования неблагополучных детей, может стать подлинным пространством становления собственно человеческого в человеке. Выражаясь предельно кратко, можно сказать, что современный детский дом необходимо, в первую очередь – антропологизировать (очеловечивать) и лишь во вторую – реструктурировать.